

Аглая Юрьева
Санкт-Петербург
smiga58@list.ru

НА МОРМЫШКУ
Пьеса в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аня, 22 года

Дима, 21 год

Юра, байкер, друг Ани, 27 лет

Дядя Валя, сосед по дому, инвалид, 60 лет

Людмила, соседка Ани по квартире, 40 лет

Михаил, ее муж, 40 лет

Баба Надя, соседка по дому, 70 лет

Галина Августовна, директор школы, учитель истории, 60 лет

Ольга Николаевна, завуч школы, мать Димы, 45-48 лет

Нина Васильевна, методист, 60 лет.

Охранник в школе, 35–45 лет

Город. Действие пьесы происходит с конца августа 2000 г. по конец апреля 2001 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1–ая

Небольшой двухэтажный каменный дом на окраине Города. Во дворе дома детская площадка. На детской песочнице сидит Дима, рядом лежат велосипедный шлем и велосипед. Вечер, начинает смеркаться. Слышен звук проехавшего и чуть затормозившего мотоцикла. Появляется Аня – в кожаной короткой курточке и с мотоциклетным шлемом, который она несет на руке, как корзинку. Замечает сидящего Диму, подходит.

Аня. Какой миленький шлем! И защищает?

Дима. Тебе чего надо?

Аня. Представь себе: тот же самый вопрос я хотела задать вам... хотя мы уже перешли на «ты»... задать тебе. *(Видит, что велосипед у Димы сильно поврежден.)* И так вижу: авария. Кто это тебя?

Дима *(раздраженно)*. Да рокер долбанный вроде таких, как ты.

Аня. Лучше помолчи! Рокер байкеру не попутчик. Самого зацепило? *(Участливо.)* Нога?

Дима. Да, не ступить. Совсем распухла. Часа два уже тут торчу.

Аня. За тобой кто-то должен приехать?

Дима. Нет. Хотел позвонить, а деньги на трубке кончились.

Аня. Так попросил бы у кого.

Дима. Вот... У тебя прошу.

Аня. У меня мобильника нет. Для меня это пока дорогая штукавина.

Дима *(глядя на шлем)*. Не дороже мотоцикла.

Аня *(резко)*. А вот это тебя не касается... И что ж ты так и собрался сидеть?

Дима. Может, кто-то из друзей позвонит, тогда скажу, где я и что я.

Аня. А если не позвонит никто.

Дима. Тогда позвонит мама, когда меня долго дома не будет.

Аня. Что тебя на проезжую–то понесло? Катался б по тротуару.

Дима (повторяя сказанное Аней). Лучше помолчи! Катался! Это ж не дорожный велосипед для дачников, а гоночный, шоссейный. И я, между прочим, кэмээс.

Аня. Да, велик у тебя шикарный!

Дима. Был шикарный.

Дядя Валя (на балконе, в инвалидной коляске, Ане). Мормышка! Пришла.

Аня. Привет, дядя Валя. Что сериал не смотришь?

Дядя Валя. Вот дождался, когда ты вернулась, сейчас сяду смотреть.

Аня. Я тебе «Коровки» свежей купила.

Дядя Валя. Понял.

Аня. Только давай не на крючок: темнеет, не увижу. Блесну кидай!

Дядя Валя спускает из окна удочку с блесной. Аня достает из шлема пакетик с конфетами и цепляет на блесну. Дядя Валя втаскивает конфеты на удочке в окно.

Дядя Валя. Спасибо, Мормышка. А что это за кабальеро рядом с тобой?

Аня. У него, дядя Валя, cavallo захромаЛло.

Дядя Валя. Помощь какая нужна?

Аня. Спасибо, сами справимся.

Дима (мрачно). Какая помощь от инвалида!

Аня (резко). Ты головой не стукнулся? Нет. Тогда сиди и слушай. Сейчас я из дома позвоню, чтобы тебя в травмпункт отвезли. *(Убегает в дом).*

Звонит Димин мобильник.

Дима. Да, все в порядке, ма... Заехал далеко... Возвращаюсь. Да не волнуйся ты... Все у меня в порядке. Пришлось подкачаться немного. .. Макс звонил?.. Спрашивал, где я... А чего он мне на трубку не позвонил?... А... Понятно... И у него кончились. Все, пока–пока. Скоро буду...

Выходит Аня.

Аня. Сейчас приедут, отвезут в травмпункт, а потом домой.

Дима. А вел куда?

Аня. К себе пока заберу. Не тащиться же тебе с ним. Потом зайдешь или кого пришлешь.

Дима. Сам приду. Спасибо.

Въезжает Юра на мотоцикле. Аня помогает Диме подняться и сесть на мотоцикл за Юрой. Уезжают. Берет велосипед, Димин шлем и скрывается в парадной. Через минуты слышны крики Людмилы и Ани: «Куда это ты такую бандуру в квартиру тащишь? Еще чего не хватало! У себя в комнате и ставь!» «Поставлю, где сочту нужным!» «Не забывай, квартира не твоя, ты тут не одна живешь!». «Вы тоже не очень–то распоряжайтесь. Велосипед вашего сына стоит – и мой стоять будет».

Сцена 2–ая

Вестибюль школы. Вошедшей Ане преграждает дорогу охранник.

Охранник. Куда?

Аня. Мне к директору.

Охранник. Ее сейчас нет.

Аня. Тогда к заместителю.

Охранник. Ха! Откуда у директора школы заместитель?

Аня. Ну, к завучу тогда. Да пропустите же.

Охранник. Чужих не пропускаю.

Аня. А я самая что ни на есть своя. Вот. У меня направление в вашу школу. Буду учить детей, может быть, и ваших тоже.

Охранник (недоверчиво). Ну–у? Ничего себе, какие училки пошли.

Аня. Какие есть.

Охранник (смотрит направление, потом пропускает). Иди. Первый этаж, направо. Там завуч сейчас, Ольга Николаевна.

Сцена 3–ья

Кабинет директора. На диване сидит Ольга Николаевна, рассматривая огромный лист школьного расписания. Входит Аня.

Аня. Здравствуйте.

Ольга Николаевна. Здравствуй. Что ты хотела?

Аня. Во–первых, я хотела, чтобы вы обратились ко мне на «вы». А во–вторых, я пришла к вам устраиваться на работу.

Ольга Николаевна (рассеянно). Какая работа? Не поняла. Техничек мы набрали.

Аня. У меня направление в вашу школу.

Ольга Николаевна (опешив). Та–а–к. Так вы и есть та учительница начальных классов, о которой мне говорил инспектор?

Аня. Да. Вот диплом. И вкладыш тоже посмотрите. Там только одна тройка – по музыкальному воспитанию. Но ведь в школе обычно есть учитель музыки, так что моя тройка картины вам не испортит.

Ольга Николаевна поднимается, проходит и садится за стол директора, приглашая сеть напротив Аню. Аня садится.

Ольга Николаевна. Давайте все по порядку. Вы окончили педвуз.

Аня. Да. Я училась по контракту и должна отработать три года в школе, в какую направят.

Ольга Николаевна (в сторону). Угораздило нашу Татьяну Васильевну выйти замуж за иностранца и уехать! (Ане) А вы в самом деле готовы работать в школе?

Аня. Я должна работать, потому что таковы условия контракта.

Ольга Николаевна. А детей–то вы любите?

Аня. Если честно – не знаю. На практике нравилось.

Ольга Николаевна. Спасибо, что честно. (В сторону.) Спасибо Главуправлению!

Аня. Наверное, мне нужно написать заявление о приеме на работу.

Ольга Николаевна (замявшись). Да, конечно. Но пока нет директора. Принять же может только директор.

Аня. Есть какие–то препятствия? Вам же нужен учитель начальных классов?

Ольга Николаевна (растерянно). Но у вас же нет опыта.

Аня. Конечно, нет. Но у вас нет учителя, и он вам нужен. Мне в отделе народного образования сказали. А опыт я буду приобретать. И перенимать.

Ольга Николаевна (вздыхая). Ну да, ну да...

Входит директор Галина Августовна. Все здороваются.

Ольга Николаевна (*встав и уступив место директору*). Вот, Галина Августовна, молодого специалиста прислали в начальные.

Галина Августовна (*Ане*). А что это у вас за наряд такой? Вы в школу пришли или в бар ночной?

Аня. Простите, не понимаю.

Галина Августовна. Я повторяю, если вы не расслышали: это – школа. И в таком виде будущему учителю являться предосудительно. Тем более, учителю начальных классов.

Аня. Но учебный год еще не начался. А на уроки я буду приходить нормально одетая – джинсы, джемпер.

Галина Августовна. Что? В панталонах в школу. Мы сейчас для школьников вводим... этот... как его...

Ольга Николаевна. Дресс-код.

Галина Августовна. Вот. Ко мне родители сразу прибегут с жалобами, если вы будете в джинсах.

Аня (*вздыхнув*). Хорошо, не буду.

Галина Августовна. А как вы собираетесь здесь работать?! С удовольствием? С самоотдачей? С горением в сердце?

Аня. Я буду работать и выполнять все, что требуется. А про удовольствие я не могу сказать.

Галина Августовна. Ну конечно. (*Сквозь зубы.*) Вы привыкли получать другие удовольствия.

Аня. О чем вы?

Галина Августовна. Не надо строить из себя наивную. Скажите, зачем вы пошли на начальное образование?

Аня. Вообще-то я хотела на историю.

Галина Августовна. Та-а-к. Очень интересно. И что же?

Аня. Не получилось. У меня биография неподходящая.

Галина Августовна и Ольга Николаевна переглядываются.

Галина Августовна. Вы сидели в исправительной колонии?

Аня. Нет, в специнтернате.

Галина Августовна. Это одно и то же.

Аня. Может быть, даже хуже.

Галина Августовна. Рассказывайте все. Мы должны знать, кого мы берем в педагогический коллектив.

Аня. Я не буду ничего рассказывать. Хотите – наводите справки сами. А вот моя справка. О флюорографии. Вот копия диплома. Заявление в свободной форме писать или у вас есть специальный бланк?

Галина Августовна. Ишь, как она!

Ольга Николаевна (*вмешиваясь, желая спасти положение*). Вы живете далеко от школы?

Аня. Далековато.

Ольга Николаевна. Вот видите! А у нас занятия с полдевятого. Вам трудно будет добираться.

Аня. Маршрутка идет от моего дома почти до школы.

Ольга Николаевна. Ох, уж эти маршрутки. Такой ненадежный транспорт.

Аня. В крайнем случае, придется добираться на байке.

Ольга Николаевна. На чем, на чем?

Аня. На мотоцикле.

Галина Августовна. Только этого еще не хватало, чтобы учительница в класс врывалась на мотоцикле. Вы в своем уме, милочка?

Аня. Я же про крайний случай сказала.

Галина Августовна. Вот что... как вас?

Аня. Аня.

Галина Августовна. Это вы для родителей и друзей Аня, а в школе принято называть друг друга по имени-отчеству.

Аня. Анна Михайловна.

Галина Августовна. Анна Михайловна, я попрошу вас подождать решения за дверью. Мы вас позовем.

Аня, пожимая плечами, выходит в вестибюль.

Галина Августовна (Ольге Николаевне). Ну, как вам такой поворот истории?

Ольга Николаевна. Да уж, свалилась на голову. И выходит, что отказать ей мы не имеем право.

Галина Августовна. А самое ужасное, что и уволить ее мы не сможем. А девица, видать, еще та штучка. И с темным прошлым.

Ольга Николаевна. Надо бы справиться о ней в институте.

Галина Августовна. Да что там в институте! Они могут дать вполне положительную характеристику. За ней шлейф темный со школы тянется. Ох, неужто придется делать запрос в архив. И этим должен заниматься директор школы накануне нового учебного года. Господи! Ну почему не ввести справку о наличии судимости.

Ольга Николаевна. Как наличия судимости?!

Галина Августовна. Ну, несудимости. Пришел человек со справкой – и сразу видно, что не преступник.

Ольга Николаевна. Да, со справкой надежнее. Но вдруг преступления будут впереди?

Галина Августовна. Типун вам на язык, уважаемая Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна. Вы полагаете, Галина Августовна, что в институте не проверили анкетные данные, прежде чем зачислить ее в педвуз.

Галина Августовна (отмахиваясь). Да вы словно вчера родились. На начальное образование и раньше – то не больно шли, а сейчас и подавно. Только раньше хоть рычаги какие – то были – партийные, комсомольские. Профсоюзные, наконец.

Ольга Николаевна. А вы видели у нее на запястьях шрамы?

Галина Августовна. Неужели наркоманка?

Ольга Николаевна. Скорее, попытка суицида

Галина Августовна. Этого еще не хватало! *(Набирает номер телефона.)* Наташенька, здравствуйте! Это Галина Августовна из седьмой. С Верой Петровной я могу поговорить? Соединяете? Спасибо, милая... Але! Верочка Петровна, здравствуйте. Это я вас беспокою. Да-да, с началом! И вам того же, с началом! И вам того же. Верочка Петровна, а вот к нам с направлением выпускница педвуза ... *(Ольге Николаевне)* ... как фамилия?

Ольга Николаевна. Анна Михайловна Колесникова.

Галина Августовна. И фамилия соответствующая... *(в трубку)* Колесникова... Да. Нуждаемся, ох как нуждаемся... Но все же начальная школа... Второй класс... сложный. Падежи проходят... Я понимаю, что она знает падежи... Ах, обязаны... А вы видели эту учительницу? Ее ж к детям подпускать страшно. Ах, видели... Справлялись в институте... Только положительно. Но она ж хамка первостатейная... Что-что? Да-да,

понимаю. Всего хорошего. (*Кладет трубку. Ольге Николаевне*) Велено принять без разговоров. Ве-ле-но! Позовите эту... бандершу.

Ольга Николаевна. Рокершу.

Галина Августовна. Все одинаково.

Сцена 4-ая

Прихожая в Аниной квартире. Аня выходит на звонок и открывает дверь. Из своей комнаты выглядывает Людмила.

Людмила. Почему не спрашиваешь, кто?

Аня. Это ко мне (*Впускает Диму, который заметно хромает.*)

Дима. Привет. (*Людмиле*) Здравствуйте!

Людмила. Здравсте! Кавалер, что ли?

Аня. Не ваше дело.

Людмила. И мое тоже. Мне не все равно, кто к тебе шляется. Квартира не только твоя, мы тоже тут живем. С ребенком. (*Аня показывает Диме проход в комнату.*) И не забудь после унитаза как следует вымыть!

Аня и Дима в комнате Ани

Дима. Почему ты должна мыть унитаз?

Аня. Потому что моя очередь. Ну и потому, что ко мне гости пришли.

Дима. У тебя, выходит, коммуналка? Как хреново.

Аня. Да, теперь коммуналка... Чай будешь пить?

Дима. А раньше что? Чай... буду.

Аня ставит на стол чашки, печенье

Аня. Раньше я жила здесь с родителями.

Дима. А где родители?

Аня. Авария.

Дима. Извини.

Аня. Ничего. Это случилось шесть лет назад.

Дима. А соседей подселили?

Аня. Нет, продала одну комнату.

Дима. Зачем?

Аня. Байк хотела купить.

Дима. Купила?

Аня (*уклончиво*). Нет... Выбираю пока. Пойду чайник принесу. (*Выходит.*)

Дима (*один*). Вот ненормальная. Комнату продать ради мотоцикла. Иномарку купить можно. А она – байк! (*Рассматривает фотографии на стене, книги в шкафу. Входит Аня с чайником.*)

Аня. А что будешь с великом делать?

Дима. Ве-елик! А у вас что же? Мотик? Мотик!

Аня. Ну ладно, не сердись. Починить–то можно?

Дима. Вряд ли. Обычно их не чинят. Куплю теперь какой–нибудь дорожный и стану ездить только по тротуару.

Аня. Ага. Сбивать прохожих. (*Смеется.*) Теперь твоя очередь. (*Приглашает к столу.*)

А мы ведь с тобой еще и не познакомились. Впрочем, я уже знаю. Ты Дима. Я – Аня.

Дима. И я знаю. От Юры. А вот тебя как–то по–другому называл... ну, тот мужчина на балконе.

Аня. Дядя Валя. Мормышкой ... Бери печенье.

Дима. Странно как-то. Почему?

Аня. Папа с дядей Валей были заядлые рыбаки. Я маленькая тогда была... Они рыбачить собирались. Тогда я услышала «на мормышку». Подумала, что это зверек такой. Вроде как морская мышка. Раз есть морская свинка, то и мышка должна быть. И на весь двор раззвонила, что папа мне поймает мормышку. Ждала их целый день. Пришли, кинулась: «Где мормышка?» Вот разочарование-то было. А они давай смеяться. А дядя Валя с той поры так меня и прозвал...

Дима. Он твой дядя на самом деле?

Аня. Нет. Но он мне как родной. Особенно теперь.

Дима. А что с ним?

Аня. Четыре года назад какие-то отморозки вечером напали. Деньги отняли, часы, еще что-то, кажется, куртку сняли. А напоследок какой-то металлической трубой по спине ударили. Жив остался, а ноги отказали.

Дима. Он один живет?

Аня. Жена умерла, когда я в восьмой класс перешла. А детей у них не было.

Дима. А кто же за ним теперь ухаживает?

Аня. Да приходит из собеса Лена, продукты приносит, в квартире прибирается. И к дяде Вале подбирается.

Дима. Как это?

Аня. Ну как-как? Маленький, что ли? Одинокий мужчина с квартирой.

Дима. А ты что, ревнуешь, что ли?

Аня. Сейчас из чайника ка-а-ак ошпарю.

Дима. Потихе, потихе, я пошутил...

Аня. А ты где учишься?

Дима. В ИГСе на последнем курсе

Аня. В ИКСЕ? Секретное что-то?

Дима. В Институте государственной службы!

Аня. Ух ты! Чиновником что ли будешь?

Дима (весело). Ага. Буду документы разносить из одного кабинета в другой.

Аня (весело). Или в муниципальном совете для старушек гуманитарную помощь распределять.

Смеются.

Дима. А ты где? Учишься или работаешь?

Аня. Я вступила на педагогическую стезю. Пошла работать в школу.

Дима. Русский самоубийца, господи! Взгляните: русский самоубийца!

Аня. Чайничек еще горячий.

Дима. Всё-всё-всё, больше не буду... А что ведешь?

Аня. Начальные классы.

Дима. Еще и сопли подтираешь!

Аня. Нет, каждому раздала по упаковке бумажных платков.

Дима. Да не обижайся ты. У меня мать тоже в школе работает, географию ведет. И как тебе? Нравится?

Аня. Честно – не знаю. И нравится, и с души воротит.

Дима. Не привыкла еще. У меня мать, помню, раньше приходила и плакала. Я, маленький, ей: «Мама, кто тебя обидел?» «Минообраз», – отвечает. Я представлял этот Минообраз чудовищем и собиралась с ним сражаться. Клеил из картона шлем, доспехи,

меч у меня был пластмассовый. «Мама, я убью Минобраза». А она только смеялась и говорила, что у Минобраза много голов и убить его нельзя: он бессмертен.

Аня. Да, бессмертен. И только имена да маски меняет. То Наркомпрос, то Минобраз...

А я на исторический собиралась

Дима. Ну да! И я тоже туда хотел? Провалилась?

Аня. Нет. Родители погибли, когда я в десятый перешла. Еще несовершеннолетняя, нужно было кому-то опеку оформлять, иначе в детдом отправят. Дядя Валя начал хлопотать. А классная у нас была противная... Никто у нас ее не любил, да и она – никого... Она возьми и скажи в классе про моих родителей: мол, нужно было за ребенком смотреть, а не своим утехам предаваться... Я взорвалась, выкрикнула, чтобы она не смела говорить о моих родителях. Она – руки в боки: я, говорит, имею право, я много повидала в жизни и сорок лет школе отдала...

Дима (перебивая). Вот магическое число какое-то. Наша историчка тоже нам говорила: «Я сорок лет в школе, я сорок лет в школе работаю». С шестого по десятый класс все у нее сорок лет было. А еще и на пенсию не вышла. Мы в паспорте у ее подглядели.

Аня. Ну да, сорок лет – предел...

Дима. ... мечтаний учительницы средней школы. Я бы не хотел, чтобы мать моя сорок лет в школе оттрубила.

Аня. Да-да. Вот тогда я ей и сказала, что за сорок лет вы уже все отдали и ничего больше дать не можете. У нашей Галины Федоровны в классе мухи от скуки дохли. Она взбеленилась, а потом сделала так, что меня направили не просто в детдом, а в специнтернат... как трудного, испорченного подростка...

Дима. Вот сука!..

Аня. Там прошла школу жизни за полгода.

Дима. Трудно было? Били?

Аня. Щипали.

Дима. Как это?

Аня. А вот так. Ухватывали, оттягивали кожу и выворачивали. (*Берет Димину руку и показывает, тот отдергивает.*) Больно? Это я тихонечко, для примера. Или кололи шариковыми ручками в разные места.

Дима. Но там же были эти... как их... надсмотрщики.

Аня. А толку-то! Пожалуешься, так тебя же и в карцер посадят. А потом еще от девчонок огребешь по полной.

Дима. В карцер? Но это ж не тюрьма.

Аня. Название другое.

Дима. А за что они так?

Аня. А ни за что. У тебя семья была непьющая – вот за это. Учишься хорошо – и за это тоже. Пожалуешься – вот тебе. Не жалуешься – еще раз. Плачешь от боли – тогда тебе еще на.

Дима. Ты плакала?

Аня. Плакала. Но слезами не разжалобишь. От чужих слез они еще злее становятся. Цепочек золотых у девчонок не было, они стальные носили. (*Показывает Диме запястья.*) Видишь, на память оставили. Прикрутят за руки к кровати – и щипать. Все тело синее было у меня. А как-то изловчилась и одну, Нельку Дылду, лягнула ногой ниже живота. Она охнула, согнулась от боли. Всё. думаю, теперь убьют. А они как-то все расступились, одна даже мне – не Нельке – подняться помогла. Вот такая у них сущность гадкая.

Дима. На силу только силой нужно отвечать. И никаких вторых щек не подставлять.

Аня. Может быть. Только потом мне это аукнулось... Ой, что-то я много болтаю. Еще чайку?

Дима. А потом как было?

Аня (сворачивая разговор, бегло). Потом дядя Валя вызволил меня оттуда. И квартиру сохранил. И сразу приватизировать заставил, как только мне 18 стукнуло. В тот год я на исторический не поступала, когда ж готовиться—то мне было в интернате. Дядя Валя уговорил поступить в педвуз, там был недобор на начальное. Вот и все. Ты извини, мне еще к урокам готовиться.

Дима. Понял, понял. Спасибо тебе и за чай, и за велик... Кстати, а ты в какой школе—то работаешь?

Аня. В семерке.

Дима. Ну—у? Так я ж в ней учился! И мать работает там!

Аня. Твоя мама — Ольга Николаевна?

Дима. Точно! Вот так совпадение!

Аня. А историчка — Галина Августовна, директриса? «Сорок лет в школе!»

Дима. Ну так. Августейшая наша! Как тебе она?

Аня. Она мне не очень, а я ей совсем не.

Дима. Она никому житья не дает. Мать уж сколько с ней работает и то, бывает, жалуется.

Аня. О, значит не только Минообраз обижает...

Выходят в прихожую. Дима пытается развернуть велосипед.

Давай—ка я тебя провожу до трамвая. А то вы с велосипедом оба хромцы.

Собираются выйти из квартиры.

Дима. Погоди—ка (*Подходит к дверям соседей, стучит. Выходит Людмила.*)

Людмила. Тебе чего?

Дима. Вот что. Я в ваш сортир не заходил! Понятно?

Людмила. Понятно. Тоже мне заступничек выискался. Топай, пока на одну только хромаешь!

Аня и Дима с велосипедом во дворе.

Дядя Валя (выглядывая из окна). Мормышка!

Аня. Да, дядя Валя.

Дядя Валя. Завтра по пути не захватишь мне в магазине хлеба и кефиру.

Аня. Без вопросов. А где ж твоя Елена Прекрасная?

Дядя Валя. Да что—то два дня не появляется и не звонит. Может, случилось чего. Надо позвонить будет в собес.

Аня. Объявится. У нее ж не ты один такой. Она, небось, еще с десятков одиноких мужчин окучивает..

Дядя Валя (грозя ей пальцем, шутливо). Мормышка! Не болтай глупостей!

Аня шлет ему в ответ воздушный поцелуй.

Деньги возьми! (*Хочет ей кинуть из окна кошелек, Аня отмахивается.*)

Аня. Не надо, у меня есть. Могу ж я тебя хоть раз в жизни кефиром угостить?!

Смеются. Аня и Дима уходят.

Сцена 5–ая

Кабинет директора (учительская). Галина Августовна, Ольга Николаевна, Нина Васильевна и Аня.

Галина Августовна. Так что вы скажете, Нина Васильевна, о нашем молодом специалисте?

Нина Васильевна. Что можно сказать? Подготовка, конечно, есть, но очень слабая.
Аня. Так я работаю всего вторую неделю.

Нина Васильевна. Это понятно. Вам и следовало бы придерживаться разработок, которые сделаны до вас опытными людьми. А вы их откровенно проигнорировали.

Аня. У меня совершенно не получилось им следовать. Ну никак они не ложились в канву урока.

Галина Августовна. Канву урока! Надо было такой канвой разработку делать, а не вашу самодеятельность.

Аня. Значит, урок у всех учителей будет один и тот же? А как же творчество педагога, к которому нас всегда призывают. И почему только эта разработка? Других, что ли нет?

Галина Августовна. А эта, стало быть, вас не устроила.

Аня. Да. Старомодная она какая–то. Засушенная, словно лист из гербария.

Галина Августовна. А вы знаете, что автор этих прекрасных разработок сидит перед вами?

Аня. Извините, я не знала.

Нина Васильевна. Милочка, прежде чем критиковать других, нужно самой что–то сделать.

Аня. Как же самой делать, если вы навязываете своё? И почему вы все обращаетесь ко мне «милочка»? Это, по-моему, пошло.

Галина Августовна. Выбирайте выражения, до-ро-га-я! Пока еще ничего не умеете, берите то, что для вас сделали другие.

Аня вздыхает.

Нина Васильевна. Да–да, именно для других я и делала. А сначала училась у других. И обсуждать, а уж тем более братья осуждать других, не годится, когда без году неделя работаешь. Вот я работаю в школе...

Аня (*машинально*). Сорок лет.

Нина Васильевна. Да, сорок лет! И методистом уже тридцать лет! И кроме благодарностей от молодых учителей я ничего не слышала. А вы смеее говорить о гербарии. А сами–то, сами... Что это вы говорили детям о русалках?

Галина Августовна. Что она... (*Ане*) что вы говорили о русалках? Каких русалках?

Аня. Только об одной. Которая на ветвях сидит.

Нина Васильевна. Где вы это взяли? Что хвоста у русалки нет?! Вы иллюстрации б посмотрели!

Аня. А как она с хвостом на дуб взобралась?

Нина Васильевна. Это у Пушкина надо спросить.

Галина Августовна. А почему Пушкин? Пушкин не по программе!

Ольга Николаевна. А ведь впрямь, как?

Нина Васильевна. Мало ли. Приливом прибило.

Галина Августовна. Или кот подсадил.

Нина Васильевна. А вы детям про просватанных девушек да ловлю женихов рассказывали! Эротика, так сказать.

Аня. Нет, я только про то, что хвоста нет. Но ведь это ж логично. Когда я была маленькая, я тоже вопрос задавала: как же с хвостом – и на деревьях. И тогда мне никто не ответил правильно.

Нина Васильевна. А сейчас? В какой методичке вы это вычитали?

Аня. Нина Васильевна, кроме методичек есть и другие жанры.

Галина Августовна. Помолчите. Вы нам тут ересь не распространяйте. Вы еще скажите, куда кот налево ходил. Нина Васильевна, ваш приговор за проведенный урок.

Нина Васильевна (смягчившись). Дисциплина в классе была хорошая, дети слушали хорошо, стихотворение прочитала хорошо, дети работали хорошо, технические средства обучения были подобраны хорошо. А методика вырабатывается с годами. Главное – желание. А вы ведь хотите, Анна Михайловна, стать настоящим педагогом, педагогом с большой буквы? Так, ведь?

Аня. Нет.

Нина Васильевна. Не-ет?

Аня. Да.

Нина Васильевна. Ну, вот и хорошо!

Аня. Вы не поняли. Я буду работать добросовестно, как смогу. Я уже объясняла Галине Августовне. Но готовить себя в педагоги с большой буквы я вряд ли стану.

Галина Августовна. До большой буквы вам далеко. А сейчас возвращайтесь в класс.

Аня выходит.

Ну, Нина, спасибо тебе! Удружила.. Должна была в пух и прах разнести ее урок. А ты : «Это хорошо, то хорошо». Чего тут хорошего, когда у нее русалка сексуально озабоченная?! Она сама эротоманка. И я же просила вас: о костюме... как его, Ольга Николаевна...

Ольга Николаевна. Дресс-код.

Галина Августовна. Дресс-коде. Об этих ужасных джинсах в дудочку.

Ольга Николаевна. Успокойтесь, Галина Августовна, уволить ее, как молодого специалиста, мы не можем.

Галина Августовна. Да? А если нам развратниц посылают в школу? Может, по статье уволить?

Ольга Николаевна (с испугом). По какой такой статье? О чем вы, Галина Николаевна? Не хватало еще нам криминала в школе.

Галина Августовна. Вот именно от этого я и хочу уберечь нашу школу. Мне нужно срочно подключать Васильеву из родительского комитета. Нужно мобилизовать родителей.

Ольга Николаевна. Но тогда класс останется без учителя.

Галина Августовна. Без учителя? Ничего. Вон Нина Васильевна пойдет! Пойдешь, Нина Васильевна? Сорок лет в школе! Из них тридцать методистом. Из них тридцать лаборантом в кабинете химии! А потом высшее захотели получить за два года в Институте усовершенствования учителей. Усовершенствовали вас, а? Нина Васильевна! Если б я тебе направление не дала, пробирки бы до сих пор мыла. Тридцать лет методистом! Ты сама-то по своим методичкам учила?! Ты же в класс ни разу не входила, пригласилась в РОНО. Ну, Нина. Ну, Нина! Обратилась за помощью – и нате вам!

Нина Васильевна. Ерунду-то, Галина Августовна, не говори. Когда это молодого специалиста за слабую методику увольняли?!

Ольга Николаевна. А в классе у нее дисциплина; похоже, и детям она нравится. Родительское собрание провела, никто из родителей с жалобами не обращался. И к тому ж она еще продленку ведет целую ставку. Давайте подождем.

Галина Августовна. Ох, поздно будет, когда превратимся из образцовой школы в рассадник черт знает чего.

Нина Васильевна. Ну уж! Одна ласточка весны не делает.

Ольга Николаевна. И про русалку нужно поподробнее почитать. Все—таки интересно: есть хвост или нет.

Галина Августовна. Ладно уж вам, великие педагоги. С ума с вами сойдешь! А все, кстати, прошли диспансеризацию?

Сцена 6—ая

Двор дома, в котором живет Аня. Вечер. Въезжает Юра на мотоцикле, делает круг по двору. Тормозит.

Дядя Валя. Молодой человек! Вы своим мотоциклом всю рыбу распугали.

Юра. Здравствуйте, дядя Валя. Анька еще не приходила с работы?

Дядя Валя. Она обычно поздно возвращается.

Юра. Я к школе ездил. Нету никого, только охранник да уборщицы. *(Закуривает.)*

Дядя Валя. Юра, дай—ка и мне закурить.

Юра. Вам же нельзя.

Дядя Валя. Давай, давай. Мы никому не скажем.

Юра. А у меня «Беломор».

Дядя Валя. Давно мечтал.

Юра. Тогда закидывайте.

Дядя Валя опускает удочку, Юра цепляет на крючок папиросу, которую дядя Валя втягивает наверх. Закуривает.

Дядя Валя. Клара Цеткин папиросы делала.

Юра. Не понял.

Дядя Валя. Какой фабрики папиросы—то?

Юра. А я знаю?!

Дядя Валя. Вот, ты уже не знаешь. А раньше курильщики старались покупать «Беломор» только табачной фабрики имени Урицкого. «Клара Цеткин» не котировалась, барахло был, а не «Беломор».

Юра. Да ну? *(Лезет за пачкой, смотрит.)* Точно. Фабрика имени Клары Цеткин.

Дядя Валя. Вот видишь. Старого воробья на мякине не проведешь. Ты вот что. Пока Мормышка не вернулась, поднимайся ко мне, поговорим. Лови ключи, сам откроешь.

Юра. Не надо ключа. Я так.

Забирается на дерево, а с него по пожарной лестнице попадает на балкон к дяде Вале. Когда он лезет из окна первого этажа выглядывает баба Надя.

Баба Надя. Ой, батюшки! Караул!

Дядя Валя. Андреевна, не шуми. Рыбу распугаешь!

Баба Надя. Валентин, все твои шуточки?!

Дядя Валя. Какие ж мои, Наденька? Я свое отлазил.

Баба Надя. Это надо ж! По-людски в дом не войти. Ты ведь, Юрка, прямую дорогу ворам да бандитам указываешь.

Юра. Так кроме вас и не видел никто. Полезете?

Баба Надя. Тьфу! Балабол! Женился б хоть что ли. Образумился б. *(Скрывается.)*

Дядя Валя. А что... Надежда права. А то что ты все тарактишь по ночам

Юра. А... Байкер до гроба байкер.

Дядя Валя. Про гроб—то пока еще рано тебе говорить...

Удаляются вглубь комнаты. Слышен разговор, смех. Баба Надя вновь выглядывает, качает головой, скрывается.

Во двор входят Михаил и Людмила с сумкой, полной капустных кочанов.

Людмила. Гляди-ка. Мотоцикл. Анькиного. А сам—то где? Аньки дома нет: свет не горит.

Михаил. А может, они того—этого. Свет и погасили.

Людмила. А то им свет мешает для «того—этого»! Это нам нужно было свет гасить. Сначала дожидалась, пока твоя мать уснет, теперь жду, когда Ромка заснет. А когда дождусь — тут ты захрапишь!

Михаил *(показывая на окна дяди Вали).* У инвалида кто—то.

Людмила. Да кто там у него может быть. Собесовка, наверное. Ну, чего встал—то, идем давай! Ручку не дергай!.. Все руки оттянул! «Того—этого»! ..

Уходят в дом.

Во двор входит Аня с сумкой через плечо, под мышкой у нее стопка альбомов по рисованию. Видит Юрин мотоцикл, подходит. Из парадной выходит Юра, подкрадывается сзади, берет за плечи. От неожиданности Аня роняет альбомы.

Аня. Юрка! Балда! Напугал! И альбомы теперь испачкались.

Юра. А чего ты их с собой таскаешь?

Аня. Не успела оценки поставить. А обещала к завтрашнему.

Юра *(наклоняется, собирая с земли альбомы).* Ну и поставила б им всем пятерки. А это что это за мазня? Пожар на бензоколонке?

Аня. Сам ты пожар! Это салют.

Юра. Да, действительно салют. Очень похоже. Это я вверх ногами посмотрел. А что они обычно рисуют?

Аня. Школу, машины, ежиков, смешариков, дуб зеленый, мама красит губы, бабушка вяжет мне свитер, сестре удаляют гланды, свадьбу Барби с Кеном и даже звездные войны.

Юра. А земные? Земные войны рисуют.

Аня. Нет. Маленькие еще, и мало знают.

Юра. А вырастут — не захотят знать.

Аня. Юрка, ну что с тобой?

Юра. Почему ты поздно так?

Аня. Волнуешься, что ли?

Юра. Анька!

Аня. Ты же знаешь: у меня продленка. А у Ковалькова родители на вещевом рынке до восьми работают. Вот когда нас из школы нянечки попрут, тогда я беру его и веду к родителям на рынок.

Юра. А ты его в шесть часов веди. Они работают, а ты отработала. Еще вон (*показывает на альбомы*) проверять будешь.

Аня. И готовиться к урокам. Не могу я по чужим планам и методичкам!

Юра. Вот видишь! Что за жизнь!? Нравится?

Аня. У меня другой нет. А тебе – твоя?

Юра. Нормальная у меня жизнь... Анька, выходи за меня замуж...

Аня. Ох, Юрка! Ну что ты говоришь!

Юра. Я серьезно. Тебя мама любит.

Аня (*обнимает его*). Юр, вы с дядей Валей мои самые родные люди. Родней у меня никого нет. .. Всю жизнь буду помнить нашу встречу, как шла я по парку, а навстречу мне Нелька Дылда. Две девчонки интернатские, а третью не знала. Вот тут они мне и припомнить решили тот пинок да мой уход оттуда. Рот заткнули, навалились, потащили в кусты. Там, в парке места противные есть. Туда нормальные люди не заглядывают. Вот туда они меня и приволокли

Юра. Не надо, Ань.

Аня. Я все думаю: какой добрый ангел тогда тебя ко мне послал. Ведь там никогда никто и не ходит: место дурное, глухое. Да и звать кого бесполезно: никто не решится туда сунуться. Надо же: а считается городским парком!

Юра. Эх, Анька! Никакой не добрый ангел. Просто понадобилось мне. В кусты. А когда вышел, увидел, что девки бузу какую-то затеяли. В полумраке даже не сразу понял. Крикнул: «Эй, чего делаете!» Свистнул. Одна закричала: «Шухер» – и все сорвались. Подошел. Подумал, что неживая. .. Дышишь. Встать пыталась. Я тебя в охапку – и к байку. Боялся всю дорогу, что ты не удержишься на байке. Хорошо хоть больница рядом была. И там врачи не стали формальности спрашивать, быстро приняли тебя. А ты говоришь: ангел!

Аня. Да... Все закончилось хорошо. Только пинки в живот не прошли бесследно...

Юра. Ребенка можно из детдома взять...

Аня. Юрочка, родной мой, ну давай об этом не будем!

Юра. Тебе он нравится?

Аня. Он забавный. То есть хороший он. Знаешь, он готовит себя в госслужащие.

Юра (*фыркает*). Чинушей будет. Крапивное семя!

Аня. Он искренне верит, что теперь настает пора мудрых, образованных чиновников. Целая прослойка чиновничья. Целый класс...

Юра. Захребетников, взяточников, бюрократов.

Аня. Да нет же. И даже закон готовится об этике государственного служащего...

Юра. Где черным по белому будет написано, что взятки борзыми щенками все равно взятки.

Аня. Какими еще щенками?

Юра (*смеется*). Ох, дурочка. А еще говорила, что в школе отличницей была! Гоголя-то проходила?

Аня. Да при чем тут Гоголь?! Я и не думала раньше, что управление – это целая наука. Ты только послушай, какие у них дисциплины. С трудом запомнила. Звучит нереально.

Юра. Нереальная наука нереально и звучит.

Аня (*перечисляет*). Инновационный менеджмент, .. информационные технологии управления,.. управление в ситуации риска,.. разработка управленческих решений... управление общественными отношениями... Вот! Еле выучила. А ты – борзыми щенками!

Юра. Та-а-ак. С этим понятно. Ну, а еще он что?

Аня. Он... умный,.. добрый,.. веселый.

Юра. У-у-у! Куда мне до него!

Аня. Ну не обижайся, прошу тебя, не обижайся. Ты тоже умный, добрый, веселый... Нет, не так. Ты самый–самый добрый, самый–самый умный и самый–самый веселый человек на свете. Но ты всегда ко мне относился как младшей неразумной сестренке: туда не ходи, этого не делай. Всегда я была под твоим присмотром. А теперь я хочу сама все делать.

Юра. Ты не говорила, что тебе это не нравится

Аня. А мне нравилось. Нравилось, что ты принимаешь решения. Теперь хочу сама решать. И ошибаться...

Юра. Ошибки часто дорого обходятся.

Аня. И пусть. Это будут мои ошибки.

Юра. Считаешь, что я ничего тебе больше не могу дать?

Аня. Ой, как ты мог такое подумать! Ты всегда будешь рядом, я знаю.

Юра. Глупая ты, Анька. Как рыба, которая на мормышку идет. И сама ты ...вылитая мормышка. А я на крючке этом сижу с того самого дня, как навестить тебя в больницу приехал.

Аня возмущена. Дядя Валя, который в глубине балкона наблюдал эту сцену, подкатывается ближе.

Дядя Валя. О чем беседа, мои юные друзья, в столь поздний час?

Юра (*мрачно*). Опять мы вам рыбу распугали?

Аня. Ой, дядя Валя, чуть не забыла. Я ж творогу тебе на рынке купила и кефиру. Давай подсекай.

Дядя Валя. Тут уж не подсечка. Тут сачок нужен!

Аня (*громко*). Давай! Подса–а–а–ак!

Дядя Валя спускает рыболовный сачок на очень длинной ручке. Аня укладывает туда продукты, и дядя Валя втаскивает их наверх. В окне появляется баба Надя.

Баба Надя. Опять Валентин твое баловство! Вот удумал! (*Ане*) А тебе лень подняться на второй этаж?!

Дядя Валя. Надежда, не говори под руку. Неровен час, кефир сорвется! Да на тебя! А я без кефира останусь. Такие кефиры не часто клюют на мормышку!

Аня смеется. Баба Надя, махнув рукой, скрывается. Дядя Валя, втащив сачок, машет рукой и отъезжает вглубь комнаты.

Аня (*Юре*). Ну что? Пойдем чай пить. Мне родители Ковалькова коробочку с мармеладом презентовали.

Юра. Нет, пожалуй... Тебе ведь еще проверить... салюты и свадьбу Барби с Кеном. До сви – Швеция!

Аня. Швеция уже была!

Юра. Тогда до сви–Латвия!

Аня. Было.

Юра. До сви–Кения!

Аня. До сви–Заир! Во как! ДосвизАир! Поезжай!

Юра. Сначала ты. Уеду, когда у тебя свет загорится.

Аня чмокает Юру в щеку, уходит в дом. В ее окне зажигается свет. Юра делает круг по двору и уезжает.

Сцена 7–ая

Кабинет директора. Галина Августовна сидит за своим столом. Входит Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна. Можно, Галина Августовна?

Галина Августовна. Входите, входите. Как у нас там с литературой в 8 «Б»? Кого на замену поставили?

Ольга Николаевна. А кого поставить—то, Галина Августовна. Вот только Анджела Алибековна и согласилась подменить.

Галина Августовна. Нет, нет. В восьмом сейчас Грибоедов, убийство в Тегеране. Не надо Анджелу Алибековну. Пусть в седьмом со своими «Мцыри» проходит. Так и быть: замените литературу историей. А лучше (*смотрит выразительно на Ольгу Николаевну*) географией.

Ольга Николаевна. Ой, Галина Августовна, дорогая. Мне со своей нагрузкой не разобраться. И сейчас ежегодный отчет в Управление сдать до 20–ого нужно.

Галина Августовна. А что поделать, Ольга Николаевна. Директор и завуч всегда закрывают амбразуры собой. Такая уж у нас нелегкая доля... Ну, хорошо, хорошо. Готовьте отчет.

Ольга Николаевна. А вы видели, наша Анна Михайловна пришла в нарядной блузочке. Все—таки мы с вами, Галина Августовна, не только на амбразуры ложимся, но еще и воспитываем.

Галина Августовна. В блузочке! А все равно в этих потертых панталонах в дудочку.

Ольга Николаевна. Потерпите. Наверняка, скоро и в юбку переоденется. Обстановка, очевидно, влияет. Благотворно. Будьте в ней не так строги.

Галина Августовна. Ну да, ну да... Вы говорите как потенциальная свекровь.

Ольга Николаевна. Ох, конечно же, я потенциальная свекровь...

Галина Августовна. И потенциал ваш, Ольга Николаевна, просто огромен

Ольга Николаевна. Да уж. Девчонки вокруг Димки крутятся, звонят. Как подумаю...растишь его, растишь, а потом вдруг раз – и отдашь... В чьи—то руки попадет?... И от моих отобьется...

Галина Августовна. Да, ссориться с невесткой не следует: рискуешь потерять сына

Ольга Николаевна. Точно. Как говорила моя бабушка про мою маму «Ночная кукушка всегда дневную перекукует». Ой, да что вы говорите, Галина Августовна. Рано еще ему об этом. Диплом, потом нужно устраиваться получше. Какое там – семью заводить.

Галина Августовна. А у них и не семья вовсе. У них нынче это называется пробные браки. (*В сторону.*) На девках нынешних и пробы ставить негде.

Ольга Николаевна. Нет, у Димы совести не хватит так просто в дом привести.

Галина Августовна. Не приведет, так к ней уйдет. Или снимать жилье будут.

Ольга Николаевна. Ой, не будем о грустном, Галина Августовна.

Галина Августовна. Да полно вам, Ольга Николаевна! Неужели вы не знаете, что ваш Дима...ммм... ухаживает за Анной Михайловной?

Ольга Николаевна. Дима? Мой Дима?

Галина Августовна. Ваш, ваш. Заходит за Анной Михайловной и провожает ее.

Ольга Николаевна. Не может быть. С чего вы взяли, Галина Августовна?

Галина Августовна. Вчера я после совещания в РОНО в школу вернулась. И видела, как они удаляются вдвоем... нет, не в обнимку... врать не стану. Но очень мило беседуя.

Ольга Николаевна. Вы обознались

Галина Августовна. Уж Диму—то я с другим не спутаю: десять лет его учила. И Виктор, охранник, сказал, что он каждый вечер за ней заходит.

Ольга Николаевна. Нет, нет, это какое—то недоразумение.

Галина Августовна. Да, недоразумение. И знаете, какое, Ольга Николаевна? Сдается мне, что с вашей подачи она и в мою школу попала. А я—то думала, что она так заступает за ее! Блузочку надела! Дети ее любят! Русалка на ветвях сидит! А вы мне голову морочили, просто защищая девушку ... или кто она там ему...

Ольга Николаевна. Галина Августовна, ради бога!..

Галина Августовна. Всех пристроили, Ольга Николаевна, а? Маму — библиотекарем, невестушку — учителем. Сына тоже будете? Он же готовится управлять всем и вся! Может, сначала на школе потренируется? Нет, дорогая, руки коротки! Все, идите готовьте отчет!

Ольга Николаевна. Вам потом будет стыдно, Галина Августовна. Вы же меня оболгали! Я первый раз от вас услышала о Диме и Анне Михайловне. А про маму—то зачем вы так? Вы же прекрасно знаете, почему мама пошла сюда библиотекарем. Вы же помните, что никто не захотел принять библиотеку после ухода прежней библиотекарши: сколько тогда книг не досчитались! Может, прежняя и не виновата, перед ней сколько человек еще работало. А по инвентарным книгам не сверяли. А тут что школьники ни попросят — нету. «Преступление и наказание» — нету. «Войну и мир» — нету, «Петра Первого» — нету. Из школьной программы «Горе от ума» только осталось. В двадцати двух экземплярах. Про Марка Твена и Стивенсона уже никто не спрашивал. Кто ж на себя такую недостачу повесит?! А мама согласилась — и всю свою библиотеку перетащила сюда, да и мы с Димкой много книжек из дома перетаскали. А недостающие списали как ветхие и зачитанные. А вы — «пристроила своих»!

Галина Августовна (мягче). Ну ладно, чего уж тут. Идите работайте. И Анджели Алибековну, если не ушла, позовите ко мне.

Сцена 8-ая

Вечер. Двор дома. Входят Аня и Дима, весело разговаривая.

Аня. Смотри—ка, дяди Вали нет на балконе.

Дима. Так похолодало уже. Свет—то горит.

Аня (подходя ближе). Дядьваля, я хлеба тебе купила. И сыру адыгейского!

Дима (подходя). Может, в ванной или еще где.

Аня. В ванну ему Юрка помогает. Дядьваля—а—а—а!

Баба Надя выглядывает из окна.

Баб Надя, видела дядю Валю сегодня?

Баба Надя. Откуда ж мне видеть? У меня на темени глаз нет. А ты возьми да поднимись. Чего горланить—то на весь двор!?

Аня (с тревогой). Да, да, сейчас. Наверное, что—то случилось.

Баба Надя. Так вот поди да узнай.

Дима. А как же мы попадем—то?

Аня (вытаскивая ключ). Вот. Попадем.

Дима (удивленно). А что ж вы все с сачками да с удочками?

Аня. Потом поймешь. Быстрей!

Быстро входят в парадную. Через минуту раздаётся Анин истошный крик «Дядя Валя–а–а–а!»

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1–ая

Двор. Рядом с домом на скамеечке сидит баба Надя. Входит Дима. Садится рядом.

Баба Надя. Вот и схоронили Валентина. Царствие небесное. Хороший мужик был, хоть и шепутной... Теперь он там со своей Татьяной и встретится.

Дима. А кто хоронил? Я слышал, у него никого из родных не осталось.

Баба Надя. Ох, милый. Поверх земли никого не оставят. Нашлись Валины сослуживцы. Предприятие–то их еще в 96-м развалилось, кто где смог – устроился, а связь они поддерживали друг с другом. Вот и узнали.

Дима. А кто ж сообщил–то? Вы?

Баба Надя. Это хорошие вести, бывают, задерживаются, а худые бегом бегут. А ты чего пришел–то?

Дима. Да так.

Баба Надя. Да, беда с нашей девонькой случилась большая. И без того на ее долю столько выпало!

Дима. Подозревают, что это она дядю Валю убила. Просто идиотизм какой–то!

Баба Надя. А что ж! Люди чужие. Разве они знают, что Валентин ей вместо отца и матери стал? И она в нем души не чаяла. Она убила! Она за него свою б жизнь отдала. И глазом не моргнула б. Я же знаю. ... Когда Валентин обезножел, Анютка по всем больницам носилась, все консультировалась, можно ли его на ноги вновь поднять. Узнала в одной клинике, что возьмутся. Но деньги нужны были немалые – и на обследование, и на операцию. Вот она и надумала одну комнату продать. У нее тогда ту комнату Людмила с Мишкой снимали – Валентин тогда посоветовал сдать, чтобы было на что жить. Они, конечно, ухватились: хорошо, без посредников. Торговаться было некогда. Вот она им и уступила.

Дима. А мне она сказала, что мотик...мотоцикл хотела купить.

Баба Надя. Да был у нее мотоцикл. Отцовский. Его она в первую очередь и продала. Да много ли от старого выручишь! Вот только на коляску инвалидную.

Дима. И что потом?

Баба Надя. А что потом? Положили Валентина обследовать. А тут...как его... дефол. ...Да, дефол. Ну, все денежки–то как воробушки – фырррр!

Дима. Почему же? Тогда доллар же вверх скакнул сильно.

Баба Надя. Это если б она в долларах получила! А то эта Люська прохиндейка – без мыла в задницу влезет– обвела вокруг пальца: «Ох, Анюточка, какие ж у нас, бедных, доллары. Ты уж, голубушка, сама потом обменяешь. Да ведь и расплачиваться–то тебе в рублях, чай, не в Америке». Аньке ждаться–то было несподручно, согласилась. А вот

как все обернулась. Как же она убивалась потом. Придет ко мне, сядет, обхватит голову вот так руками и тоненько–тоненько воет.

Дима. А дядя Валя–то знал, что она ради него продала?

Баба Надя. Догадывался. Не дурнее тебя. Хоть Анька ему наплела с три короба про учебу, за границу, оплату. Наверное, и про мотоцикл, как тебе. А с меня слово взяла, что я не проболтаюсь.

Во двор въезжает на мотоцикле Юра.

Юра. Попрощаться не успел. Не отпустили с работы. *(Диме)* Ну, что–нибудь нового узнал ?

Дима. Обвиняют в убийстве.

Юра. Знаю. Еще что?

Дима. Монтировку нашли. Её. А на ней кровь Дядивалина. Откуда у нее монтировка?

Юра. Моя это старая монтировка.

Дима. А... а почему это твоя монтировка у нее оказалась?

Юра. Да не ори ты так!.. Когда соседи у нее комнату купили, то стали вести себя нагло, словно хозяева всей квартиры, а Анька приживалка какая–то. Как–то однажды они ее сильно допекли. Вот я и пришел ... с монтировкой. И вроде как пригрозил: «Мол, пусть здесь стоит вам на память».

Дима. Так давай быстро к следаку, скажи, что монтировка твоя. Ну?

Юра. Не нукай, не запряг!

Дима *(наскакивая на Юру).* А–а! Не пойдешь? Так ты боишься, что на тебя стрелки переведут? Монтировка твоя, и отпечатки на ней тоже твои остались. Ты дрейфишь, дрейфишь! Трус! Трус!

Юра бьет Диму в челюсть, тот падает. Поднимается, пытается дать Юре сдачи. Баба Надя преграждает ему путь.

Баба Надя *(кричит)*Цыц! Стоять! Вот так!

Дима *(выкрикивая).* Он же трус! Чистеньким хочешь остаться! Негодяй! А она пусть там сидит! Гад какой, убую!

Баба Надя встряхивает его за грудки.

Баба Надя *(кричит).* Ну–ка, смирно–а–а!.. *(Дима от неожиданности застывает по стойке «Смирно».)* Вот так!.. *(Переводя дух.)* Уф! *(Диме)* Ты погоди, не ерпенься. Ты, парень, здесь еще чужой, так что повремени ярлыки–то на всех наклеивать.

Дима. Я чужой? Я Аньке чужой? *(Кивает на Юру).* А этот – родной? Стоит и ни черта не делает!

Баба Надя. Да охолонись ты, полохало!

Дима *(удивленно).* Кто–о?

Баба Надя. А никто! *(Юре)* И ты тоже руки–то не распускай. Не посмотрят, что в горячих точках воевал. Посадят.

Юра. Кто посадит–то?

Баба Надя *(указывая на Диму).* А вот он и посадит!

Юра. Руки коротки!

Дима. Мараться неохота.

Баба Надя. Молчать! Девчонка в беде, а они тут петушатся друг перед другом. После будете силой меряться, когда Аньку вызволите. Почему никого из дома не опросили?

Юра. Опросили (*кивает на Анино окно*). Этих... Гадов! Они про монтировку и сказали. Мол, видели у соседки. Проверили – а монтировки-то на месте и нет.

Дима. Так там же и твои отпечатки!!!

Юра. У меня руки чешутся на тебя... Допрашивали меня. Был я на работе с девяти до девяти, заказ срочный сдавали. Со мной еще четверо. А Аньку на продленке никто не видел из учителей. Не малышню ж допрашивать, во сколько ушла.

Баба Надя. Нас надо было допрашивать. Уж мы бы им сказали!

Юра. Ой, Надежда Андреевна! У них так все замечательно складывается. Дело нужно быстрее закрыть, «глухари» им не к чему. (*В сторону Димы*) У них ведь свои этические законы?

Баба Надя. Какие еще глухари? Надо пойти нам всем в милицию и рассказать.

Дима. Да, да, это важно для характеристики личности подсудимого.

Юра (*презрительно*). Она не подсудимая, умник.

Баба Надя (*Диме*). И ты тоже пойдй, раз знаешь чего... Ой, мальчики, что я вспомнила–то! Уж с месяц назад как дело было. Сижу я на этой самой скамеечке, а в наш двор входит какая–то женщина – молодая, лет под сорок (*Дима и Юра фыркают*), в костюме синем, губы красные, в руках такой ... портфель – не портфель, а смех один. Подходит ко мне и спрашивает, где двенадцатая квартира. А Валентин сверху, с балкона своего, с ней здоровается и на парадную показывает. Она к парадной направилась, а я Валентина спрашиваю: «А что это за цаца к тебе средь бела дня? На собесовку вроде не похожа». А он так рукой махнул и покотил дверь открывать. Потом я и позабыла спросить, что за женщина была.

Юра. Нотариус.

Баба Надя. Нотариус?

Юра. Дядя Валя дарственную составил. Квартиру Мормышке отписал. Хотел, чтобы она в его квартире поселилась, а сам бы он перебрался вниз.

Дима. Зачем?

Баба Надя. А затем, милый, что он несколько лет гулял только по балкону. Со второго этажа не очень–то съедешь в коляске. Тяготила Валентина эта зависимость от других. Собесовка ему продукты приносила, а Юрка ванну помогал принимать.

Юра. Да ладно вам...

Баба Надя. А ведь за последнюю неделю я Ленку–собесовку ни разу не видела.

Дима. Точно! И Аня про нее спрашивала у дяди Вали... Еще сказала, мол, такие Лены всегда ищут одиноких мужчин. А если она узнала, что квартира другой отписана, так и смоталась. Может, она и в убийстве замешана.

Юра. Ну ты как скажешь! Чего ж убивать, когда квартира все равно не достанется.

Баба Надя. Да перестаньте же вы!... Вот что, ребятки, давайте–ка мы все вместе завтра поедем к следователю и все–все, что знаем и про Аню, и про Валентина, и про нотариуса, расскажем.

Дима. Обязательно. Из этих мелочей и картина сложится.

Юра (*иронически*). В мозаику играешь?

Баба Надя. Прекрати. Он правильно сказал.

Юра. Тогда так. Завтра в двенадцать встречаемся там, у входа. (*Диме*) А ты сюда приходи: будешь сопровождать бабу На... Надежду Андреевну.

Дима. Понятно. Я буду здесь четверть двенадцатого. До завтра. (*Уходит.*)

Баба Надя. Хороший он парень, видать...

Юра (*мрачно*). Угу. (*Вытаскивает из–за пазухи четвертинку водки.*) Баб Надь, давай помянем.

Баба Надя. Ну, пойдём. Помянем новопреставленного Валентина.

Идут к дверям парадной.

Сцена 2–ая

Комната Людмилы и Михаила.

Людмила. Мишка, ты мне только честно, как на духу: не ты руку приложил к инвалиду? Мне жить с убийцей ни к чему – у меня сын растет. Сама в милицию пойду.

Михаил. Вот дура! А у меня не растет? Говорю ж тебе: чинил я у Мининых проводку. Вышел на площадку. Смотрю: у инвалида дверь неплотно закрыта. Если Ленка собесная, так она так каблуками цокает, что по всей лестнице слышно. И в это время из парадной кто–то тихонько вышел – дверь придержал. Опять–таки не баба Надя: ей пружину новую не удержать, она дверью хлопает. Подошел я, послушал. Тихо. Плечом открыл, вошел, а там уж он на пороге. И рядом монтировка в крови. А монтировку одну от другой разве отличишь? Анькина она или еще чья. Ну вот я...

Людмила. А следы–то, следы!

Михаил. Так что ж мы мало сериалов про ментов смотрели! Все чисто!

Людмила. А на полу?!

Михаил. Так я ж по всему дому проводку менял. И к инвалиду на днях заходил.

Людмила. Ох, боюсь я чего–то... Дойдешь с тобой до ручки!.. У инвалида, говорили, родственников нет, так что через полгода можно квартиру–то его претендовать.

Михаил. А может, лучше здесь.

Людмила. Вот орясина! У Аньки–то комната приватизирована. Наверняка, ее наездник будет квартплату вносить. Да еще пока в тюрьме она сидеть будет, комнату сдаст кому–нибудь, чтобы деньги на адвоката были. А там все ж второй этаж, с балконом. А по госрасценкам та квартира дешевле комнаты нам станет.

Михаил. Разогналась! А ты знаешь, что он дарственную на Аньку написал? Я сам видел. Лежала у него на видном месте. Наверное, на день рождения ей хотел презентовать.

Людмила. Ой, батюшки, как есть за идиота круглого вышла! Так лучше б вместо монтировки бумагу забрал! Где вот она теперь!

Михаил (*победно*). Ха! В унитазах!

Людмила. Ну не болван ли в унитаз документ спускать!

Михаил (*ехидно*). Думаешь, всплывет?

Людмила. Сто раз болван! Унитаз засорится! Бумага–то, поди, гознаковская! Сам прочищать полезешь!.. Та–ак, если Анька ничего про дарственную не знает...

Михаил. А если знает?

Людмила. Э–э. Пока суд да дело, время быстро пробежит. Если посадят – не успеет, и если не посадят – тоже не успеет. Через полгода никто из наследников не объявится – сможем рассчитывать. Уж я подсуежусь ради этого.

Михаил. Да уж ты подсуежись!

Сцена 3–ья

Утро. Квартира Ольги Николаевны и Димы. Дима в своей комнате собирается уходить. Включен телевизор. По телевизору передают выступление Путина. Входит Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна. Ты почему не в институте?

Дима. У меня сегодня только консультация с научруком в три. А вот почему ты не в школе?

Ольга Николаевна. Ох, не спрашивай. Весь педколлектив лихорадит. Следователь приходил, допрашивал. Августовна на меня исподлобья смотрит, видит во мне крайнего. И зачем, зачем я только за нее заступалась?! Ах, какое ЧП на весь район, на весь город. Учительница – убийца! Это несмываемое пятно на всю школу, на всю историю школы.

Дима. Ну не она это! Мама, неужели ты веришь, что она убийца!?

Ольга Николаевна. А ты откуда знаешь? А... верно, Августейшая наша мне говорила. Ты завел с ней шашни, с этим... отребьем... выродком рода человеческого

Дима. Мама, не говори так, ты же ничего не знаешь! У нее роднее человека не было. Это все равно как бы я убил тебя.

Ольга Николаевна. А ты и убиваешь меня, убиваешь своими ответами. Как ты можешь быть уверен, вы знакомы без году неделя!?

Дима. Знаю! Не она это совершила. И ты знаешь. Она же целый день в школе была, а вечером на продленке.

Ольга Николаевна. Вечер большой и долгий.

Дима (взрываясь). Да мы вместе были в тот вечер! И тело обнаружили вместе! А меня к следователю не вызывают знаешь почему? Потому что она молчит, про меня не говорит, не хочет меня впутывать. И сегодня я и... ну там еще... идем к следу сами.

Ольга Николаевна. Не пуцу. Не пуцу. Никуда, слышишь, никуда ты не пойдешь!

Дима. Мама, ты же учила нас стоять друг за друга горой. Во имя правды и справедливости? Или ты врала нам? И не верила сама в то, что говорила?

Ольга Николаевна. Верила, верила до поры. До времени. А потом перестала. И не смей мне возражать. Не всегда в жизни нужно верить тому, что говорят. Ищи другую правду, а ходить не смей.

Дима (показывая на телевизор). Вот это, по-твоему, правда?

Ольга Николаевна. И это тоже неправда. Но из двух неправд я выберу вот эту (показывает на телевизор). Потому что хочу, чтобы мой сын имел достойную работу...

Дима. Твоя, значит, работа недостойная?

Ольга Николаевна. Замолчи!... Я хочу, чтобы мой сын был избавлен от подработок, чтобы в отпуске он отдыхал, а не работал по совместительству, чтобы своим детям он смог купить велосипед с получки, а не копить на него полгода... Да, вот этого я хочу. И поэтому я не хочу, чтобы ты испортил себе карьеру!

Дима. А может, я уже себе испортил карьеру. Может, даже жизнь испортил. Да лучше бы я на истфак поступил, чем слушать про управление по результатам и в условиях риска.

Ольга Николаевна. Дмитрий! Прекрати истерику! И никуда ты не пойдешь! Ты забыл, каких трудов мне стоило достать тебе целевое направление в вуз?

Дима. Я просил, чтобы ты за меня хлопотала? Просил?!

Ольга Николаевна. И ты хочешь все поломать ради какой-то...

Дима. Мама, не смей так о ней говорить!!

Ольга Николаевна. Не смей? Ну, хорошо... Я тогда о себе. Слушай. Когда я узнала, что в ваш вуз можно поступать по целевому направлению, я стала искать возможные и невозможные пути, чтобы получить это целевое направление. И оказалось, что моя однокурсница работает в одном городском комитете. Когда учились, обычная серенькая девочка была. Но с папиными связями... Пришла я к ней просить помощи. А помощь такую оказывает только крупный чиновник, до которого людям с улицы не достучаться. Но Ленка помогла. Помогла... Попала я к этому чиновнику... Дальше продолжать?

Дима. Мама...мама...не надо...Замолчи!

Ольга Николаевна. А потом я еще коробку самых дорогих конфет Ленке принесла. Она усмехнулась и коробку в шкафчик позади себя сунула. А шкафчик весь забит коробками с конфетами да дорогим алкоголем... Вот так-то, сынок. Так что... *(внезапно хватается за сердце и падает на диван)*.

Дима *(бросаясь к ней)*. Мама, мамочка, что с тобой!?

По телевизору Путин: ...идут в конечном итоге во благо страны, работают на ее будущее. Поэтому и власть нужна дееспособная, ответственная и упорная в достижении цели. Государственный аппарат должен быть профессиональный, мобильный, дисциплинированный, а не раздутый и разболтанный чиновничий мирок, равнодушный к людям.

Просцениум

Дом со стороны улицы. Баба Надя стоит на углу, поглядывая на уличные часы, которые показывают четверть первого., Въезжает Юра на мотоцикле.

Юра. Ну что ж вы? Я приехал, а вас все нет и нет.

Баба Надя. Да вот я Диму жду, как договорились.

Юра. Слунтяй! Замараться будущий чиновник побоялся! Ну что ж! *(Снимает свой шлем, надевает его на голову бабе Наде)*. Садись, баба Надя, и уцепись за меня крепко. Так крепко, словно я кошелек с твоей пенсией, который у тебя отнять хотят.

Баба Надя. Поняла, поняла. Гони, милый»

Баба Надя садится за Юрой на мотоцикл, уезжают.

Сцена 4–ая

Двор дома. Весна в самом разгаре. Около парадной стоит небольшое грузовичок. Юра и Аня грузят вещи. Баба Надя около парадной.

Аня. Бабнадь, возьми себе пальму. Ее когда-то мама вырастила из финиковой косточки. И фикус тоже заведи... Жаль, что книги Дяди Валины сохранить не удалось.

Баба Надя. Ну что ж, возьму от тебя да от Светланы на память. Юрка, занеси мне в квартиру. *(Юра уходит в дом)*. Ну что, девонька, закончились твои невзгоды. Уезжаешь. А кто ж въедет-то сюда?

Аня. Пара молодая из Краснодара.

Баба Надя. Ну из Краснодара, так из Краснодара. Лишь бы люди хорошие были.

Аня. Надейся, баба Надя. Ты ведь Надежда... *(Окидывает взглядом дом)*. Прощай, мой старый дом!

Баба Надя. Старый-то он старый – это так. А крепкий! В войну только флигель разрушило снарядом. А ведь почти под немцем стоял. Мои-то - помнишь ли? - в 85-м получили квартиру, так дом уже весь в трещинах, вся облицовка отвалилась. И что ни день, то тут прорвет, то там сломается. Сколько живут, столько и латают.

Аня *(задумчиво)*. Дом, где разбиваются сердца.

Баба Надя. Чего?

Аня. Книжка такая есть. Иностранная. «Дом, где разбиваются сердца».

Баба Надя. Ну, и у них, у иностранцев, видать, не все гладко. А я вот что тебе скажу. Дом родной – это счастье. А твое счастье, девонька, видно, не здесь. Навещать-то меня будешь?

Аня *(мотая головой)*. Лучше вы к нам приезжайте.

Выходит Юра.

Юра. Все. Пальму поставил в коридоре. Хорошо вписалась. *(Ане)* Давай прощайся, а то мне машину только на два часа дали.

Баба Надя. Юр, а новостей–то никаких нет? Киллера не нашли?

Юра. Баба Надя идет в ногу со временем. Киллер, Миллер, Шпиллер. Фамилии какие–то. Убийца ему слово! У–бий–ца! Коротко и ясно.

Баба Надя. Да. Только страшно. А «киллер» не так.

Юра. Разговаривал я недавно с одним сослуживцем дяди Вали. Сказал он мне, что дядя Валя как–то давно одного мерзавца в тюрьму засадил. А тот мерзавец отсидел свое, а как вышел, сильно руки нагрел на том же казенном добре, за которое отсидел. Может, он кого нанял, чтобы отомстить. За недорого. Что с дяди Вали взять–то было? Киллеры с монтировкой не ходят, Андреевна. И орудия преступления на месте не оставляют. Глухое дело.

Баба Надя. Глухарь, по-ихнему.

Юра. Глухарь... Ну, прощайтесь.

Баба Надя. Юрк, а ты загляни на днях, у меня там бачок сливной стал подтекать.

Юра. Обязательно загляну. *(Идет к грузовичку.)*

Аня и баба Надя прощаются. Аня окидывает взором дом. Через балконное окно дяди Валиной комнаты видны Людмила и Михаил, наблюдающие за отъездом.

Аня. Прощай, прощай Мормышка! *(Бежит к грузовичку, садится в кабину, уезжают)*

Сцена 5–ая

Комната Димы. Включен телевизор. Дима в строгом костюме разговаривает по телефону.

Дима. Да... обязательно... И телевидение будет? Отлично. И студенческая телестудия наготове. Мы им покажем «крапивное семя»! .. Пусть знают, что наше поколение выбирает не только «пепси»... *(смеется)* А, правильно, колу!.. Скажи Баранову из Комитета по молодежной политике, пусть своих подключает, а то что мы за него все должны делать... Подключит? Океюшки! Все как один! За справедливость... Пусть неповадно будет... Сейчас выхожу... Не, не, меня подбросят... Ну, до сви-Швеция! *(Кладет трубку, поправляет галстук и выходит из комнаты.)*

По телевизору выступление Путина.

Путин: Я хочу сказать определенно: мы не боимся и не должны бояться перемен. Но любые перемены – политические и административные – должны быть оправданы обстоятельствами. Конечно, общественные ожидания и опасения появляются не на пустом месте. Они основаны на известной логике: за революцией обычно следует контрреволюция, за реформами – контрреформы, а потом и поиски виновных в революционных издержках и их наказание, тем более что собственный исторический опыт России богат такими примерами. Но пора твердо сказать: этот цикл закончен, не будет ни революций, ни контрреволюций. Прочная и экономически обоснованная государственная стабильность является благом для России и для ее людей, и давно пора учиться жить в этой нормальной человеческой логике, пора осознать, что предстоит длительная и трудная работа.

Наши главные проблемы слишком глубоки, и они требуют не политики наскока, а квалифицированного, ежедневного труда. Но стабильность – это вовсе не аппаратный застой. Нам потребуются смелые и глубоко продуманные решения,

понадобятся грамотные, подготовленные специалисты и среди предпринимателей, и среди государственных служащих.

Занавес

Май, сентябрь 2014